Раздел 3
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

А. С. Козлов

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ И ДАТИРОВКЕ ORIGO CONSTANTINI IMPERATORIS

Уникальное по своей информативности позднеантичное анонимное жизнеописание императора Константина I, представляющее из себя первую часть так называемого «Анонима Валезия» и впервые опубликованное Анри де Валуа в 1636 г. в Париже (вместе с «Деяниями» Аммиана Марцеллина), с самого начала оказалось загадкой для исследователей, в том числе в плане определения личности автора этого сочинения и даты его написания. Почти все последующие издатели и исследователи как жизнеописания императора Константина I, так и «Теодориховой хроники» (название, изобретенное Т. Моммзеном), как правило, находили все новые аргументы в пользу авторских и содержательно-информационных различий между этими памятниками, соединенными в рукописи Cod. Meermanianus 794 (ныне — Cod. Berolinensis Philipp. 1885), созданной в IX в. Однако идентификация автора Origo Constantini (далее — OC или Origo, употребляются как синонимы) и датировка этого труда продолжали оставаться туманными.

Автор первой критической публикации «Анонима Валезия» В. Гардтхаузен, взявший за основу композицию издания 1636 г. сочинения Аммиана Марцеллина и «Приложения» к нему, присоединился к мнению Анри Валуа относительно общности авторства обеих частей тек-

© Козлов А. С., 2011

ста лишь частично, с очень большими оговорками[1]. Почти одновременно с ним Ф. Гэррес и чуть позже И. Онезорге обратили внимание по крайней мере на два бросающихся в глаза обстоятельства. Во-первых, в манускрипте жизнеописание Одоакра и Теодориха предшествует жизнеописанию Константина. Во-вторых, первое из них начинается фразой «item ex libris chronicorum inter cetera», а второму предшествуют слова, закрепившиеся за ним в качестве заголовка-обозначения — «Origo Constantini imperatoris»[2]. Попытки А. Энманна и К. Фрика[3] подкрепить точку зрения Валезия преимущественно несколькими чисто филологическими наблюдениями, списывая обильные варваризмы в жизнеописании Одоакра и Теодориха на деятельность более поздних переписчиков (в том числе и авторов рукописи Vaticano Palatino Lat. n. 927, датируемой XII в. и также содержащей оба сочинения), не были приняты их коллегами. Наиболее основательную критику их доводов дали Т. Моммзен и К. Чиполла[4]. В целом, изыскания Чиполлы, Онезорге и Фрика относительно языка обеих частей «Анонима» остаются образцовыми и по сей день[5]. Только в 70-е гг. XX в. Д. Н. Адамс качественно углубил изыскания Чиполлы и его коллег и подверг текст «Анонима» контент-анализу с учетом как позднеантичной, так и раннесредневековой латинской литературной традиции[6].

Следует отметить, что Чиполла не первым попытался дать обоснование мысли о восхождении обоих опусов (как совокупности весьма редуцированных и насыщенных лакунами извлечений) к более ранним и более объемным источникам. О возможности использования автором Origo Constantini в конце 30-х гг. IV в. материала утраченной истории римских императоров писал еще А.Энманн[7]. Но именно в гипотезе Чиполлы, вне зависимости от желания автора, содержалось, хотя и на новом уровне, допущение возможности сюжетной цельности этих «протожизнеописаний». Несколько раньше, не прибегая к серьёзной аргументации, похожее суждение высказал Д. Коста[8].

Эта линия суждений, независимо от аргументов Чиполлы, была подхвачена О. Хольдер-Эггером, предположившим использование подобных, не дошедших до нас эксцерптов в начале XIII в. в соответствующих хронографических пассажах Сикарда Кремонского[9]. Еще раньше Хольдер-Эггер высказал мысль, что неизвестный автор труда, положенного в основу основных сообщений «Происхождения императора Константина», писал о событиях 316—324 гг., находясь в Равенне и используя при этом не дошедшую до нас хронику епископа Максимиана (546—556)[10]. Моммзен решительно не согласился с нестрогой, витиеватой и продолжительной аргументацией Хольдер-Эггера.

Сам Моммзен в своем классическом издании «Анонима» не только не ставил вопрос о каких-то литературных и, тем более, идейно-политических соответствиях между обоими сочинениями[11], но и развел

их композиционно: Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani Pars prior открывает первую книгу известного цикла Chronica Minora, в то время как Anonymi Valesiani Pars posterior (которую великий немецкий антиковед условно назвал Chronica Theodoricana) размещена хотя в том же томе, но совсем в ином месте, притом не как цельное произведение, а отдельными своими разделами в композиционной структуре так называемых «Италийских консулярий» (Consularia Italica), где эти разделы хронологически (по временнóй привязке содержащихся в них сообщений) и содержательно сопряжены со схожими разделами нескольких иных летописных документов. Давая высокую оценку такому подходу публикатора, О. Зеек заметил, повторяя главный тезис большинства своих предшественников по изучению «Анонима», что оба сочинения не имеют между собой ничего общего, кроме своего первого издателя[12].

Отдельную ветвь историографического древа проблемы авторства для обоих фрагментов «Анонима» представляет вопрос об индивидуальных чертах Origo Constantini. Лингвистический анализ в данном случае оказался наиболее плодотворным. Ф. Гэррес, используя ряд современных ему филологических и источниковедческих приемов подобного анализа, первым заложил фундамент под соотнесение данного текста со временем непосредственно после смерти Константина I[13]. Е. Клебс, занявшийся проблемой наиболее основательно, доказал принадлежность лексики и стилистики сочинения к IV в.[14] Он же стал пионером в конструировании стройной системы доказательств об интерполяционном характере прохристианских пассажей документа, размещенных в основном в заключительных его разделах (Origo, V. 20; V. 29; VI. 32—35). Клебс скрупулезно разобрал почти дословное совпадение текста разделов 20, 29, 33—35 Origo Constantini с разделами VII. 38.18; 28.20—21; 28.1; 26.2; 28.23, 29—31 «Истории против язычников» Орозия[15] соответственно. Последовал вывод: эти пассажи были заимствованы или из труда Орозия или из общего для Орозия и интерполятора какого-то другого источника, но в любом случае сделано это было не ранее конца второго десятилетия V в. (когда Орозий завершил вторую редакцию своего сочинения). К этому следует добавить, что Клебс также предположил определенную зависимость от соответствующего текста Орозия материала раздела 8 «Происхождения Константина» (о последних днях Галерия и его жалкой смерти. — Origo. III. 8)[16]. К этому следует добавить, что Моммзен, осуществляя публикацию данного источника, в целом принял суждения Клебса, но подверг критике некорректный взгляд на взаимоотношение текстов «Анонима» и Орозия, продемонстрированный Гэрресом[17].

К числу заслуг Клебса принадлежит и логичный вывод из его наблюдений за стилистикой и мотивами Origo Constantini, характеризующий мировоззрение составителя документа: если абстрагироваться от поздних

интерполяций, то этот человек предстает отнюдь не христианином[18]. Данные выводы были подхвачены и развиты в диссертации Д. Вестергуиса, подчеркнувшего, что в жизнеописании первого христианского императора, избавленном от поздних интерполяций, отсутствуют какие-либо сведения об эдикте Галерия, пагубно отразившемся на его судьбе, нет никакого намека на Миланский эдикт, ни слова о благосклонном отношении Константина к христианам[19].

Что касается источников автора «Происхождения», то первым о восхождении его информации к утраченным первым книгам «Деяний» Аммиана Марцеллина высказался в своем капитальном труде Р. Пальманн[20]. Чуть позже эту позицию поддержал Гэррес[21]. Дополнительную, хотя во многом гипотетическую, аргументацию на данный счет привел Т. Опитц[22]. Наиболее интересный и аргументированный подход к проблеме продемонстрировал К. Вагенер, предположивший, что основным источником для Origo стала фамильная история Константина, охватывавшая время с 293 по 360 г., сочинение, из которого черпали материал также Аврелий Виктор и Евтропий[23]. Клебс, как уже отмечалось, считал таким первоисточником современную Константину утраченную историю императоров. Плюсы и минусы подобных суждений суммировал Э. Патциг, на более высоком уровне и с более осторожной (и в то же время сложной) системой доказательств присоединившийся к мнению Пальманна: «Общий для Анонима Валезия и византийцев повествовательный материал восходит к Аммиану»[24].

Наиболее подробно и в то же время кратко состояние вопроса о различиях в авторстве обоих сочинений применительно к историографической ситуации середины XX в. осветил М. Шанц[25].

К концу XX в. интерес к «Анониму Валезия» как позднеантичному историческому феномену вспыхнул на новом уровне. Этот уровень задал И. Кёниг отдельными блестящими публикациями и тщательными комментариями обеих частей памятника[26]. Следует, однако, заметить, что эти комментарии касаются в основном характера информации каждого из разделов того и другого документа, носят преимущественно фактологический характер. Очень убедительна датировка Origo, предлагаемая Кёнигом, — конец IV в., при том, что дошедший до нас текст он считает последним вариантом сочинения; более ранняя его редакция, по мнению исследователя, может быть отнесена к середине названного столетия (в этом с Кёнигом солидаризируется Т. Барнс)[27]. Немецкий исследователь, выявляя частичные малые соответствия между текстом ОС и отдельными пассажами Евтропия, Аврелия Виктора, Псевдо-Аврелия Виктора, Иеронима и Полемием Сильвием. Достаточно скептически оценил возможности современных методик в аутентичном определении источников Origo. Единственно, что, на его взгляд, достойно точной констата-

ции, — это, во-первых, датировка христианизированных интерполяций в тексте ОС (после 417 г., завершения второй редакции текста Орозия), а во-вторых, определение в качестве terminus ante quem завершение заключительной редакции «Хроники» Иеронима (приблизительно 381 г.). Пытаясь идентифицировать автора Origo, Кёниг, вслед за В. Онезорге, склонен искать его личность и творчество в Италии конца IV в.[28] И еще одно очень важное наблюдение Кёнига: двух весьма разных сочинителей «Происхождения» и «Теодориховой хроники» объединяет ориентация на следование лучшим принципам биографического жанра, выработанным Светонием, Непотом и Тацитом[29]. Данная мысль была развита испанскими исследовательницами И. Ласалой Наварро и Л. Лопес Ернандо, поддержавшими взгляды Кёнига и подчеркнувшими определенную дистанцированность принципов построения как биографии Константина, так и биографии Теодориха от дискретных и малоупорядоченных приемов композиции «Авторов жизнеописаний Августов»[30].

Рост интереса к обеим частям «Анонима Валезия» (но в первую очередь к «Происхождению Константина») выразился в росте числа переводов документа на национальные языки, в том числе на испанский (только что упомянутыми исследовательницами) и на турецкий[31]. К сожалению, в комментариях к этим переводам не было уделено серьезного внимания к датирующим документ признакам и личности его автора. В то же время практически во всех комментариях к переводам «Анонима» чувствуется увеличение интереса к актуальной составляющей его информации, к особенностям тех сообщений, которые единственны в своем роде, существенно корректируя наши знания, например, о ходе войн Константина с Лицинием или о разрушении системы тетрархии.

В специальной литературе давно отмечено, что единственный император, правивший после Константина I и зафиксированный в дошедшем до нас тексте ОС, это Юлиан II. Однако исходить из этого факта при датировке документа некорректно, ибо данное место в тексте — интерполяция, по содержанию восходящая к Орозию (Oros. VII. 28. 1 sq.). Сам пассаж в документе звучит так: «Однако с Константина вплоть до сегодняшнего дня в императоры всегда избирались христиане, за исключением Юлиана, который потерял свою погибельную жизнь [в тот момент], когда затевал, как говорят, нечестие» (ОС. VI. 33). Из этих строк ясно одно: интерполяция была выполнена после правления Юлиана Отступника, причем интерполятор скорее всего не относился к ригористам, считавшим нужным фиксировать конкретный христианский толк, исповедуемый правителями.

При этом все прохристианские интерполяции в тексте первой части «Анонима» (ОС. V. 20, 29, 33, 34), также, как известно, содержательно восходящие к труду Орозия, выполнены настолько безыскусно, что по

лексике и стилю весьма отличаются от повествования Анонима, а по позиции в его контексте таковы, что могут быть легко изъяты без всякого ущерба для ткани документа[32]. Но, как известно, свое сочинение Орозий писал с 415 (начало работы над первой редакцией) до осени 417 — начала 418 г. (завершение второй редакции)[33]. Следовательно, интерполятор мог работать с текстом Анонима не ранее 419—420 гг. Поэтому И. Кёниг, совершенно резонно возражая Г. Фельду и В. ден Боеру[34], указал на необходимость четко различать идейные и литературные позиции интерполятора (отнюдь не являвшегося фанатичным христианином и ограничившегося весьма скромными «поправками» текста Анонима), с одной стороны, и автора ОС, — с другой[35].

Не следует в связи с этим забывать, что извлечения из Орозия композиционно внедрены в текст Анонима, во-первых, хронологически последовательно, с соблюдением логики событий «Истории против язычников», а во-вторых, практически без редактирования самого текста пассажей Анонима и Орозия. Исключение — Oros. VII. 28. 20, 21 (соответственно ОС. V. 29), т. е. сообщения о ссылке Лициния в Фессалонику и его гибели. Причем редакция этих сообщений весьма показательна для прояснения как позиции интерполятора, так и позиции Анонима. В дошедшем тексте Анонима не только отсутствует информация о каких-либо обстоятельствах пребывания Лициния в Фессалонике, в нем, если изъять интерполяцию из Орозия, названа лишь одна причина гибели соперника Константина — мятежные требования солдат убить его. Точно так же как и Мартиниана, сподвижника Лициния, в Каппадокии. Такой способ преподнесения информации в известной степени снимает с Константина вину за лживость его явно положительного ответа, ранее данного Констанции, жене Лициния и сестре Константина, умолявшей пощадить мужа (ОС. V. 28). Другая причина гибели Лициния, привнесенная в текст Анонима интерполятором из сочинения Орозия и поставленная на первое место, наоборот, вроде бы не красит Константина, рисуя его как холодного, расчетливого политика: император был побуждаем «примером своего тестя, Максимиана Геркулия, чтобы он [Лициний] на погибель государству вновь не принял сложенный пурпур». Однако с точки зрения публично-правовой Константин действует в данном случае абсолютно логично, охраняя инерцию принципов тетрархий. В этом отношении примечателен факт избегания более поздними авторами (и даже самим Орозием — см. Oros. VII. 28. 10) описаний связи обстоятельств смерти Максимиана Геркулия и мотивов приказа Константина казнить Лициния[36].

Для характеристики работы интерполятора знаменательно также отсутствие приведения им каких-либо примеров явных прохристианских акций законодательного или церковно-политического характера (например, созыва Никейского собора), на которые столь щедры церковные ис-

торики, начиная с Евсевия. Мало того, И. Кёниг прав, констатируя, что совпадения отрицательных характеристик, даваемых этими историками и иными христианскими авторами противникам Константина, с аналогичными характеристиками, демонстрируемыми Анонимом, вовсе не означают присутствия в OC christliche Grundtendenz. Подобные приемы имеют место и в сочинениях безусловно языческих авторов — у Аврелия Виктора, Евтропия, Зосима[37].

При рассмотрении нарративной источниковой базы для освещения эпохи Константина I следует учесть, что в свое время А. Маддалена попытался составить хронологический перечень древних авторов, писавших об этом периоде, и в качестве базового источника для соответствующих сообщений Евтропия, Epitome de Caesaribus, Origo Constantini, Зосима и Зонары вывел некую «Biografia caesarea II»[38]. Этот гипотетический источник, по мнению Маддалены, возникший во времена Юлиана II, впитал в себя данные некой «Истории Диоклетиана и Константина» и «О погибели преследователей» Лактанция. «История Диоклетиана и Константина» стала одним из основных источников для «константиновых сюжетов» Аврелия Виктора. Что же касается Origo Constantini, то для него Маддалена был вынужден предположить некий «источник X», ибо многие детали, сообщаемые Анонимом, не имеют аналогов в других известных нам сочинениях. Время возникновения OC итальянский исследователь отнес к царствованию Валентиниана I и Валента.

Р. Чесси во вступительной статье к своему тщательно выполненному переизданию Анонима сделал попытку найти соответствия в текстах Лактанция и авторов бревиариев, в том числе выявить лексические параллели. Цель подобной методики была четкой — обнаружить возможную информационную зависимость составителя OC от этих авторов или их источников[39]. Поскольку текстуальные соответствия могут свидетельствовать как об использовании одних и тех же источников, так и о прямой зависимости от указанных бревиариев, то прежде всего напрашивается вопрос о способе возможного заимствования Анонимом информации из сочинения Лактанция, напрямую или через какие-то опосредованные тексты, как предполагал А. Маддалена[40]. Сходства в формулировках у Анонима и Лактанция, как известно, есть, но крайне редкие. Так, Лактанций пишет: «Когда Констанций стал совсем слаб, он послал Галерию письма с требованием, чтобы тот отправил к его очам сына его, Константина, которого давно уже не видел. Тот же совсем этого не желал. В самом деле, он устраивал всевозможные козни для юноши» (Lact. De mort. pers. 24. 3, 4). У Анонима схожее сообщение: «После того как Диоклетиан и Геркулий сложили императорскую власть, Констанций потребовал у Галерия вернуть [Константина], но Галерий прежде подверг его многим опасностям» (OC. II. 2). Различия, которые бросаются в глаза, — в весьма

существенных деталях. Мотивация поступка Констанция у авторов совершенно разная: Лактанций пишет о чисто человеческом, отцовском побуждении Хлора увидеть сына, а составитель ОС откровенно намекает на политическую подоплеку этого поступка, на трансформацию первой тетрархии. Продолжения этого сюжета у обоих авторов не пересекаются совсем: Лактанций преподносит легенду о том, как Галерий втолкнул Константина в клетку со зверями и как Бог спас юношу. Наоборот, согласно Анониму, Галерий просто давал Константину серьезные военные поручения, которые тот с честью выполнял.

Примечателен и второй случай определенного сходства сообщений Лактанция и Анонима. Лактанций рассказывает: «А Константин, проявив невероятную поспешность, прибыл к уже умирающему отцу, который, препоручив его солдатам, передал ему из рук своих власть, а затем обрел отдохновение от жизни на ложе своем, как того и желал» (Lact. De mort. pers. 24. 8). В соответствии с концепцией Анонима, Константин «с величайшей поспешностью пересек Альпы, прибыл к отцу Констанцию в Бононью, которую галлы называли раньше Гесориаком. После же победы над пиктами отец [его] Констанций умер в Эбораке, и Константин был единодушно всеми войсками произведен в цезари» (ОС. II. 4). Сходство, как видно, только между первыми частями обоих рассказов, когда речь идет о спешном прибытии Константина к своему отцу. Далее следует совершенно разная по своей политической конъюнктуре информация, неоднократно проанализированная исследователями узурпации Константином императорской власти[41]. Но даже и первые части приведенных отрывков обнаруживают разный акцент преподнесения информации: согласно Лактанцию, Константин застал отца уже умирающим; в сообщении Анонима картина иная; следовательно, составитель ОС использовал здесь другой источник.

Еще один случай некоторого сходства сообщений Лактанция и Анонима касается описания похода Галерия на Рим. Рассказ Лактанция звучит так: «Тем временем Галерий, собрав войско, устремляется в Италию и подступает к [Вечному] городу, намереваясь разогнать сенат и перерезать весь народ. Но встретил все закрытым и укрепленным. Упования на взятие города были ничтожны: осада была затруднительна, было недостаточно войск даже для окружения стен, ведь он никогда не видел Рима и считал его немногим больше других известных ему городов» (Lact. De mort. pers. 27. 2). Аноним, в противоположность Лактанцию, просто констатирует тот же факт, но в предельно лапидарной форме: «Тогда Галерий с огромными войсками пришел к Риму, угрожая уничтожить город, и разбил ставку в Интерамне около Тибра» (ОС. III. 6). Вывод по поводу данных пассажей напрашивается такой же, какой был сделан относительно предыдущего примера.

И, наконец, последний факт отдаленного соответствия информации Анонима рассказу Лактанция. Речь идет об описании отхода Галерия от Рима. Аноним, как и в предыдущих случаях, краток и бесхитростен: «Покрытый презрением, он узнал, что многие из его людей, движимые обещаниями Максенция, оставили свои части; приведенный ими в замешательство, он повернул назад, а чтобы обеспечить своему воинству хоть какую-то добычу, приказал разграбить Фламиниеву дорогу» (OC. III. 7). Лактанций развертывает пространное, драматическое повествование, в котором не жалеет черных красок для описания поведения и настроения Галерия, а также его солдат, подвергших население Италии при отступлении грабежам, насилиям и убийствам (Lact. De mort. pers. 27. 3—6). Именно по поводу такого рода информационной параллели В. Онезорге высказался в том духе, что сообщения обоих источников часто пересекаются, но тщетным было бы искать в тексте Анонима место, которое бы обнаружило хотя бы косвенную зависимость от строк Лактанция[42]. Примечательно в этой связи также меткое наблюдение Р. Чесси, указавшего, что пассаж Анонима «post depositum imperium Diocletiani et Herculi…» (OC. II. 2) и слова Лактанция о размышлениях Максентия «Quid enim faceret, si a tribus cogeretur imperium deponere?» (Lact. De mort. pers. 20. 2) хотя и содержат схожий публично-правовой тезис, но сходство это — внешнее. Ибо тезис в каждом из этих случаев присутствует в совершенно разном контексте[43].

Что касается возможности какого-либо знакомства Анонима с текстами Евсевия Кесарийского, посвященными жизненному пути и политике Константина, то опять-таки В. Онезорге и Р. Чесси показали отсутствие перспектив для изысканий в данном направлении[44].

Нельзя не принять во внимание и мысль И. Кёнига о крайне слабой вероятности использования Анонимом трудов грекоязычных авторов, писавших о царствовании Константина[45]. Действительно, схожесть некоторых сведений Origo и соответствующих сообщений таких византийских писателей, как Зонара, Лев Грамматик и Георгий Кедрин, как показал У. Патциг, скорее восходят к такому общему для них источнику, как «Деяния» Аммиана Марцеллина, хотя именно книга, посвященная Константину, среди дошедших до нас частей этого труда отсутствует. Поэтому и данное суждение остается только гипотезой[46]. Исходя из этого Кёниг отклоняет выдвинутое К. Вагенером предположение об использовании Аммианом и Анонимом некоего общего источника, условно названного «Историей фамилии Константина»[47].

Отсюда безусловно продуктивнее сравнить текст Анонима с латинскими бревиариями, эпитомами и хрониками.

Если обратиться к «Бревиарию» Евтропия, то нелишне вспомнить, что он был обнародован в 369—370 гг.[48] Моменты сходства между тек-

стом Евтропия и ОС нередки и довольно заманчивы для анализа, тем более что эти сюжеты «Бревиария» использованы таким показательным для IV в. христианским интеллектуалом, как Иероним Стридонский — один из основателей западной латинской хронистики.

Одно из первых же сообщений Анонима о браке Констанция Хлора с Феодорой, «от которой впоследствии он имел шестерых детей, братьев Константина» (ОС. I. 2), находит полное соответствие с аналогичными словами Евтропия (Eutrop. IX. 22. 1). Примечательно, что оба автора в данном случае демонстрируют неточность, так как у Константина было три сестры и три брата. Однако данный пассаж — исключение, все остальные обнаруженные исследователями параллели между двумя текстами ограничиваются лапидарными словосочетаниями и грамматическими аналогами ряда терминов[49]. Тем не менее этих случаев достаточно, чтобы говорить как о возможности использования Анонимом текста Евтропия, так и о знакомстве последнего с материалом ОС. Не исключена также вероятность работы обоих авторов с неким общим для них источником. Однако вряд ли можно говорить о прямых заимствованиях составителем Origo каких-то пассажей из «Бревиария», и лучший пример тому — различия в презентации данных о происхождении Констанция Хлора, обстоятельства принципиального для концепции Анонима. Евтропий пишет, что «Констанций, говорят, приходился внуком Клавдию по дочери» (Eutrop. IX. 22. 1)[50]. Аноним пишет принципиально иное: «Констанций, внук по линии брата божественного Клавдия, лучшего из императоров» (ОС. I. 2). Поэтому можно предполагать, что в последнем случае имеет место инерция более ранней традиции, восходящей к знаменитому «Панегирику 310 года», являвшемуся первой попыткой пропаганды вымышленной генеалогии Константина I [51]. В самом деле, панегирист, выступая перед Константином в Трире, назвал это origo почти неизвестным[52]; панегирист 312 г. употребляет в отношении данного сюжета столь же туманную фразу «divum Cladium parentem tuum» (Paneg. VIII (V). 2. 5), и только надписи CIL. XI. 9 (ILS, 699) и CIL. VI. 31564 (ILS, 702), датируемые одна после 18 сентября 324 г., а другая периодом между 312/315 и 18 сентября 324 г., говорят о Константине как о filius divi Constanti, nepos divi Claudi [53]. Таким образом, ясно, что Аноним использовал материалы, которые не обязательно служили источником и для Евтропия. Одновременно с этим автор ОС имел дело с такими источниками, которые оказывались базовыми для соответствующих мест «Бревиария» (некоторые лексические и языковые параллели этого не исключают) и которые могут служить объяснением схожести между некоторыми местами этого сочинения и рядом пассажей в трудах упомянутых ранее византийских авторов.

Что касается вопроса об использовании текста Origo самим Евтропием, то И. Кёниг сомневается в возможности получения на него ответа[54]. Различия в интерпретации генеалогии Константина говорят скорее против такого варианта составления «Бревиария». Конечно, описывая обстоятельства провозглашения Константина императором, Аноним точен: «После же победы над пиктами отец [его] Констанций умер в Эбораке, и Константин был единодушно всеми войсками произведен в цезари» (OC. II. 4). Евтропий, наоборот, в этом случае проявляет неопределенность в деталях: «Вскоре после смерти Констанция сын его Константин… провозгласил себя в Британии императором» (Eutrop. X. 2.2). Вне анализа всего текста Анонима может показаться, что автор «Бревиария» мог просто редуцировать сообщение OC. Однако сравнение описаний гибели Либия Севера показывает, что Евтропий в этом случае не знал ни текста Анонима, ни возможных его источников. В самом деле, Аноним, раскрывая данный сюжет, достаточно обстоятелен: «Геркулий, который передал страже Севера, обманутого ложной клятвой, привел [его] в Город как пленника и устроил так, чтобы [его] держали под стражей на государственной вилле на тридцатой миле Аппиевой дороги. Позже, когда Галерий направился в Италию, упомянутый [Север] был задушен и потом, будучи доставлен на восьмую милю, похоронен в склепе Галлиена» (OC. IV. 10). Евтропий же не просто предельно краток, но даже место гибели Севера называет совершенно иное: «Север бежал в Равенну и был там убит» (Eutrop. X. 2.4). Наконец, такой принципиальный факт, как провозглашение цезарями Криспа, Константина II и Лициния Младшего (OC. V. 19), в сочинении Евтропия отсутствует вообще. Существеннее, однако, то, что после § 13 Анонима между двумя сочинениями исчезают сходства даже в лексических оборотах — обстоятельство, которое касается не только «Бревиария», но и текста Аврелия Виктора. Тем самым приходится констатировать крайне слабую вероятность того, что Аноним и Евтропий были современниками, а также того, что Аноним привлекал «Бревиарий» как источник.

Что касается проблемы соотношения между «Хроникой» Иеронима[55] и OC, то нельзя не заметить, что использование Анонимом труда Стридонца В. Онезорге отрицал, а Р. Чесси считал возможным, хотя и маловероятным[56]. Известно также, что Евтропий в основу последовательности событий времен Константина положил именно хронологию Иеронима[57]. При этом лексика обоих сочинений имеет соответствий гораздо больше и обладает большей выразительностью, нежели лапидарные и часто размытые сообщения Евтропия. Примером тому являются лексемы, употребляемые при описании провозглашения Максентия (OC. III. 6; Hieron. a.2323; Eutrop. X, 2.3), обретения титула цезаря Криспом, Константином II и Лициниием Младшим (OC. V. 19; Hieron. a.2333), персидского похода Кон-

стантина (OC. VI. 35; Hieron. a.2353; Eutrop. X. 8.2). Отсюда можно вывести предположение, что «Хроника» Иеронима служила для OC одним из источников (в отличие от сочинения Евтропия), а поскольку Иероним завершал свой труд в Константинополе в 380—381 гг., то эта дата может являться terminus post quem для написания Origo.

Учитывая данное обстоятельство, можно полагать, что труд Аврелия Виктора «О цезарях», завершенный в 360—361 г.[58], как и «Бревиарий» Руфия Феста, написанный между 369 и 370 гг. [59], также могли заслужить внимание Анонима. Но поскольку Фест, касаясь истории Константина, ограничился лишь описанием персидского похода (Festus. 26), то обнаружить в его тексте параллели с OC невозможно. Ситуация с сочинением Аврелия Виктора иная. И. Кёниг насчитал 12 соответствий в сочинениях Аврелия Виктора и Анонима[60], причем даже из беглого просмотра его таблицы видно, что материал, расположенный между параграфами 8 и 25 Origo, точно так же, как в случае с Евтропием, не имеет содержательных и лексических аналогов в главах Аврелия Виктора. Однако это не значит, что другие разделы OC демонстрируют прямую зависимость от «De Caesaribus», ибо материал, к ним относящийся, обнаруживает серьезные лакуны у того и у другого автора. Например, у Анонима часто отсутствуют описания политических мероприятий и характеристик, имеющиеся у Аврелия, а у последнего нет подробных описаний конфликтов между Константином и Лицинием, характерных для Origo. Все это создает впечатление, что оба писателя пользовались одинаковыми источниками, но, имея разные интересы и цели, брали для них разный материал, а сходный употребляли с применением различной методики. Например, Аврелий Виктор констатирует, что Константин «добрался до Британии», движимый стремлением к власти и спасаясь от преследователей (De caes. XL. 2), причем упоминания Эборака как места встречи с Констанцием Хлором у него нет. Аноним же первым местом встречи Константина с отцом называет Бононью (OC. II. 4), а о властолюбии своего героя он не пишет вообще. Местом гибели Севера Аврелий Виктор, как и Евтропий, называет Равенну ((De caes. XL. 7). Аноним же указывает в качестве такого места виллу «на тридцатой миле Аппиевой дороги». Более того, он сообщает и о конкретном месте погребения незадачливого императора (OC. IV. 10).

И. Кёниг считает, что прямое использование Анонимом труда Аврелия Виктора невероятно[61]. Мне кажется, что вопрос, скорее всего, остается открытым, ибо разница в методиках использования одного и того же материала подразумевает прежде всего тщательное изучение методики, только после этого можно обращаться к сравнительному анализу текстов.

О том, что методика и вкусы автора Origo были весьма высоки, свидетельствует сравнение его текста с текстом Epitome de Caesaribus, ранее

также приписываемой Аврелию Виктору, но, как ясно на сегодняшний день, составленной между 395 и 408 гг. анонимным языческим автором, именуемым в издании Мишеля Фести Псевдо-Аврелием Виктором[62]. Хотя определить источники автора эпитомы при описании эпохи Константина невероятно тяжело[63]. Все-таки И. Шлумбергер показал: эти тексты не использовали ни Евтропий, ни Аврелий Виктор; зато ряд мест из ОС обнаруживает поразительные соответствия со строками эпитоматора[64]. Например, тот и другой автор указывают в качестве места погребения Либия Севера мавзолей Галлиена (Epitome. XL. 3; OC. IV. 10). Шлумбергер справедливо заметил, что эта деталь не могла быть заимствована из гипотетической «Истории императоров», о которой писал А. Энманн[65]. Если же судить о самой возможности работы эпитоматора и Анонима с данным гипотетическим источником, то нельзя не учесть мнение Т. Барнса, который полагает, что «История императоров» возникла не позже 340 г., но ОС была написана еще раньше[66]. Как бы то ни было, речь идет об источнике или группе источников, к которым обращались не только Псевдо-Аврелий Виктор и Аноним, но и Зосим, что особенно заметно при анализе того раздела «Новой истории», где речь идет о последствиях битвы на Кибалийской равнине[67].

Наконец, известные соответствия можно обнаружить между текстами Анонима и первой частью «Латеркула» Полемия Сильвия[68]. Аноним пишет: «Тогда Лициний по обычному легкомыслию сделал себе цезарем Мартиниана» (OC. V. 25). У Полемия Сильвия сказано: «…и Лициний, женившийся на сестре его, который сделал себе цезарями Мартиниана и Валента…» (Polemii Silvii Laterculus. 62). Почти в финале Origo Аноним сообщает: «Его брата Аннибалиана… он назначил царем царей и понтийских народов» (OC, VI, 38). В «Латеркуле» почти те же самые слова: «Аннибалиан, брат вышеупомянутого, был сделан царем царей народов понтийских» (Polemii Silvii Laterculus. 63). Следует учитывать, что в «Латеркуле» посвященные Константину более или менее пространные разделы ограничены как раз теми двумя, часть пассажей из которых я процитировал. Но, как отметил И. Кёниг, некоторое сходство данных пассажей еще не дает оснований полагать сочинение Полемия Сильвия Informationsgrundlage для Анонима[69], хотя оно единственное (кроме Анонима), которое именует Аннибалиана титулом rex. Тот же Кёниг допускает, вслед за Е. Якоби, что Полемий Сильвий просто был знаком с ОС, правда, уже в интерполированном варианте.

Таким образом, определить источники Origo Constantini imperatoris, хотя бы с достаточной степенью уверенности, нельзя. Можно лишь предполагать, что Аноним написал свой труд в период между 381 г. (на это время приходится заключительная редакция «Хроники» Иеронима с некой датой, которую определить вряд ли возможно). Т. Барнс писал, что

ОС было завершено задолго до 400 г.[70], и к его мнению в принципе примыкал Шастаньоль[71], но никаких серьезных аргументов оба исследователя не привели. В связи с вышесказанным следует еще раз учесть, что, хотя нам известна дата завершения Орозием своего сочинения, мы тем не менее не знаем, через какое время после 417 г. были сделаны интерполяции в текст ОС. Некоторые исследователи предлагают в качестве этой даты 448 г. — заключительный год, которым фиксируются события в труде Полемия Сильвия[72]. Однако если учитывать общий идейный тон Origo, характерный для умеренных языческих сочинений того времени, то справедливой остается формулировка Т. Моммзена: сочинение было написано «до времени абсолютной победы христианства»[73]. Такого рода суждение ориентирует на факт издания Феодосием I известных указов от 8 ноября 382 г. и 7 августа 395 г., т. е. постановлений, запрещавших всякие формы языческого культа в любых местах империи[74]. Однако, как известно, ярко выраженные проявления языческих культов даже в Италии прочно держались по VI в. включительно[75], а при самом Феодосии I даже на высших должностях империи, как показал Р. Вон Хелинг, было немало язычников[76], которых никто преследовать не собирался. Отсюда крайняя зыбкость такого аргумента, как указанные постановления для определения terminus ante quem.

Несомненным является факт, что автор Origo имел в своем распоряжении весьма неплохую библиотеку и был явно начитанным человеком. Об этом говорит язык его труда, обилие приводимых фактов, из которых, как уже давно отметили специалисты, многие неизвестны по другим, крайне тенденциозным источникам. В. Онезорге в свое время предположил, что Аноним писал свой труд в Италии и даже, возможно, являлся римским сенатором[77]. В качестве аргумента исследователь привел знаменитый пассаж об организации Константином в новой столице «сената второго разряда» и о присвоении его членам титула clari (ОС. VI. 30). Онезорге был прав, когда усмотрел в подобных лексемах определенную дистанцированность, если не отчужденность автора ОС по отношению к сенату и сенаторам Константинополя. И. Кёниг несколько развил тезис о такого рода отчужденности. По его мнению, поскольку Константин I создал senatum secundi ordinis, то и титул его членов должен был оказаться иным, а не clarissimi, как у сенаторов Рима. Отсюда и обязанность войти в новое учреждение римские сенаторы могли воспринимать как поражение в привилегиях[78]. Действительно, при таких обстоятельствах могли не срабатывать и льготы, предоставляемые Константином новой столичной верхушке и вообще жителям Константинополя, о чем сообщают Фемистий и Либаний. И тогда безусловно правы Ж. Дагрон и Ф. Тиннефельд, сомневаясь в переселении наследственных римских аристократов на Во-

сток[79]. Но А. А. Чекалова, ссылаясь на А. Шастаньоля, совершенно справедливо указывает, что сообщению Анонима о clari противостоят другие источники, в первую очередь надписи, свидетельствующие об обладании сенаторами Константинополя с самого начала титулом clarissimi[80]. Следовательно, если сведения о clari Аноним брал из некоего неизвестного нам источника, то этот документ был либо неточен (хотя вопросы титулатуры в то время были слишком принципиальны и щепетильны), либо неприкрыто тенденциозен. С другой стороны, если информация о senatum secundi ordinis и о clari могла быть заимствована Анонимом из гипотетической Kaisergeschichte А. Энманна, выражавшей взгляды римского сенаторства, то надежность подобного документа (о чем все время пишут специалисты) вполне можно ставить под сомнение. Следовательно, если Онезорге говорит о точности описания Анонимом маршрутов походов Константина как о следствии использования упомянутой Kaisergeschichte[81], то это весьма нестрогий тезис. С другой стороны, оценка присутствия в тексте ОС лексем senatus secundi ordinis и clari как признака презрительного отношения к восточным сенаторам со стороны их римских коллег резко контрастирует с восторгами, которые Аноним проявляет, описывая другие мероприятия Константина в новой столице. «Как будто свою родину, он украсил ее с великолепной пышностью и пожелал уравнять с Римом» (ОС. VI. 30). Интересно также, что важное для античного мировоззрения понятие cives употребляется Анонимом только один раз, но именно в рассказе об основании Константинополя. Константин, согласно ОС, разыскивал для новой столицы граждан повсюду, причем потратил на них огромные средства (ОС. VI. 30). Учитывая, что сообщения о cives и константинопольских сенаторах композиционно объединены в одном разделе источника, можно полагать присутствие в воззрениях Анонима нераздельной классической римской дихотомии, подчеркивающей различие и в то же время общественный параллелизм таких основополагающих институтов, как сенат и народ. Примечательно, что проявляется эта дихотомия в ОС только на восточноримском материале. Но тем не менее данными пассажами интерес Origo к сенату и народу Константинополя исчерпывается. Учитывая, однако, общее позитивное отношение Анонима к своему герою, это склоняет к предположению, что в ОС нет особого внимания к западной столице империи. Ведь для Рима в этом сочинении, в отличие от Константинополя, вообще не нашлось восторженных слов.

И еще один примечательный факт. Почти половина объема ОС приходится на повествование о взаимоотношениях Константина и Лициния. В военно-политической тематике Origo, традиционной для античной ис-

торической литературы, эти рассказы выходят на первый план. Уникальная информация о гражданских войнах между двумя претендентами на гегемонию в империи (с перерывами с 314 по 324 гг.), когда основные кампании разворачивались на Балканах и отчасти в Малой Азии, дает ясно понять, что ориентация Анонима на восточноримские сюжеты имеет мировоззренческую подоплеку. Тезис В. Онезорге о том, что Аноним имеет особый интерес к событиям в Италии, подкрепляется тем, что в ОС описывается и узурпация Максентия, реакция на нее Севера и Галерия (с сообщением имен эмиссаров Галерия — Лициния и Проба), рассказ о неудачном походе Галерия на Рим, о злополучной судьбе Севера, о битве у Мульвийского моста и о неудаче плана Константина поддержать собственного цезаря, Бассиана[82]. Но каждый из этих рассказов по своему объему крайне незначителен, и в совокупности они заметно уступают упомянутым восточноримским сюжетам Origo. Поэтому вряд ли можно согласиться с И. Кёнигом, связывающим, вслед за В. Онезорге, деятельность Анонима с Италией, с возможной работой его над своим сочинением в библиотеках Милана или Рима[83]. Мне представляется более правдоподобной восточноримская, *ранневизантийская ориентированность автора Origo*.

---

[1] Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / ed. V. Gardthausen. Lipsiae, 1875. Vol. 2. P. 338. В данной статье мною использовалось следующее издание Аммиана: Ammiani Marcellini Rerum gestarum liberi, qui supersunt / rec. C.U.Clark. Berolini, 1910—1915. Vol. 1—2 (далее — Amm.).

[2] См.: *Görres F.* Zur Kritik des Anonymus Valesii // Jahrbücher für klassische Philologie, 1875. [Bd.] 111. S. 201 ff.; *Ohnesorge W.* Der Anonymus Valesii de Constantino. Diss., Kiel, 1885. S. 1 — 32.

[3] *Enmann A.* Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch *De viris illustribus urbis Romae*. Quellenstudien // Philologus, 1884. Suppl-Bd. 4. S. 460 ff.; *Frick C.* Zur Textkritik und Sprache des Anonymus Valesianus, Comment. Woelfflinianae. Leipzig, 1891. S. 350 ff.

[4] *Mommsen T.* Additamenta // MGH AA. 1892. T. 9, Vol. 1. P. VII; *Cipolla C.* Considerazioni sulle «Getica» di Jordanes e sulle loro relazioni colla «Historica Getarum» di Cassiodoro Senatore // Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino (Classe di Scienze morali, storiche, e filologiche). Ser. 2. 1893. N. 43. P. 99—134.

[5] См.: *Cipolla C.* Le vestigial del frasario officiale presso l' "Anonymus Valesianus II" // Miscellanea di Studi in onore di A. Hortis. Triest, 1910. P.919 sq.; *Ohnesorge W.* Op. cit. P. 10; *Frick C.* Op. cit. P. 343.

[6] См.: *Adams J. N.* The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle Anonymous Valesianus II. L., 1976.

[7] *Enmann A.* Op. cit. S. 337 ff.

[8] См.: Prokop. Gothenkrieg. Nebst Auszuegen aus Agathias, sowie Fragmenten des Anonymus Valesianus und des Johannes von Antiochia Uebersetzt von D. Coste. Leipzig, 1885. S. VII.

[9] *Holder-Egger O*. Zu Sugers Vita Ludovici VI regis // Neues Archiv der Gesellschaft fur ältere deutsche Geschichtkunde. Hannover, 1901. Bd. 26. S. 475—476.

[10] *Holder-Egger O*. Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fiinften und sechsten Jahrhunderts // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1876. Bd. 1. S. 316 ff.

[11] См.: MGH AA. 1892. T. 9, Vol. 1. P. 5. Далее ссылки на первую часть «Анонима Валезия» даются по изданию: Origo Constantini. P. 7—11 (далее — OC);

[12] *Seeck O*. Anonymus Valesianus // PWRE. Stuttgard, 1894. Bd. 1. Sp. 2333.

[13] *Görres F*. Op. cit., S. 207.

[14] *Klebs E*. Das Valesische Bruchstück zur Geschichte Constantins // Philologus, 1888. 47. S. 72.

[15] Мною использовалось издание: Pauli Orosii historiarum adversum paganos libri VII / ex rec. C. Zangemeister // CSEL. Leipzig, 1889. Bd. 5. (далее — Oros.).

[16] *Klebs E*. Op. cit. S. 66.

[17] См.: MGH AA. 1892. T. IX. Vol. 1. P. 5.

[18] *Klebs E*. Ob. cit., S. 79.

[19] См.: *Westerhuis D. J. A*. Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior : Diss. Campis, 1906. P. 18, 35.

[20] *Pallmann R*. Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs. Gotha, 1864. Bd. 2. S. 253.

[21] *Görres F*. Op. cit., S. 208.

[22] *Opitz Th*. Zu der Schrift Origo gentis Romanae // Acta Societatis Philologiae Lipsiensis, 1874. Fasc. II. S. 257.

[23] *Wagener C*. “Eutropius”. (Jahresbericht no. 55) // Philologus, 1886. [Bd.] 45. S. 545.

[24] *Patzig E*. Über die Quelle des Anonymus Valesii // BZ. 1898. Bd. 7, N. 3. S. 585.

[25] *Schanz M*. Die römische Literatur von Constantin bis zum Gesetzgebungswerk Justinians // Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München, 1959. T. 4, Bd. 1 : Die Literatur des vierten Jahrhunderts. S. 107 — 108.

[26] См.: *König I*. Origo Constantini: Anonymus Valesianus 1. Trier 1987; Idem. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1997.

[27] См.: *Barnes T. D*. Jerome and the *Origo Constantini imperatoris //* Phoenix. 1989. 43. 1. P. 158—161.

[28] См.: *König I*. Origo… S. 27—28.

[29] Суждение, высказанное Еженом Сизе одновременно с Кёнигом; см.: *Cizek E.* Histoire et historiens à Rome dans l' Antiquité. Lion, 1995. P. 12—19.

[30] *Lasala Navarro I., López Hernando P.* Origo Constantini imperatoris, comentario, notas y traducción // Habis. 2007. 38. P. 271—285; Iidem. Chronica Theodericiana, comentario, notas y traducción // Habis. 2009. P. 251—275.

[31] См.: *Kaçar T.* Origo Constantini Imperatoris: imparator Constantinus'un yükselişi // Tarih İncelemeleri Dergisi Cilt, 2005. 20, N. 1. P. 135—155.

[32] *König I.* Origo… S. 19.

[33] См.: *Fabbrini F.* Paolo Orosio uno storico. Roma, 1979. P.58 — 65; *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. Кн. 1—3. / пер., вступ. ст., коммент. В. М. Тюленева. СПб., 2001. С. 15 — 17.

[34] См.: *Feld H.* Der Kaiser Licinius : Diss. Saarbrücken, 1960. S.17 — 19; *Boer W. den* Some Minor Roman Historians. Leiden, 1972. P. 15—16.

[35] *König I.* Origo … S. 19.

[36] Ср. крайне тенденциозное описание смерти Максимиана, данное Лактанцием, и гораздо более нейтральное и спокойное сообщение Евтропия (Lact. De mort. pers. 28 — 30; Eutrop. X, 3. 1 — 2; мною использованы издания: Lactance. De la mort des persécuteurs / éd., trad., comment. J. Moreau. Paris, 1954 (Sources chrétiennes, 39). Vol.1; Eutropii Breviarium ab urbe condita / rec. Fr. Ruehl. Lipsiae, 1901]. Ф. Кольб полагает, что Лактанций явно старался в этом рассказе позитивно преподнести действия Константина, вначале даровавшего жизнь коварному тестю, но затем, после очередного заговора Максимиана, вынужденного отдать распоряжение о казни — см.: *Kolb F.* Diocletian und die erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? Berlin ; N. Y., 1987. S.133; ср.: *Christensen A.S.* Lactantius the Historian : An Analysis of the De mortibus persecutorum. Copenhagen, 1980. P. 60—62. Т. Барнс, апеллируя к наблюдениям Ж. Моро (*Moreau J.* Introduction // Lactance. De la mort … P.46), считает источником этого рассказа не Лактанция, а молву того времени (*Barnes T. D.* Lactantius and Constantine // J. of Roman Studies. 1973. Vol. 63. P. 41—42). Методически строгим такое суждение, конечно, назвать нельзя.

[37] *König I.* Origo… S.19.

[38] *Maddalena A.* Sulle fonti per la storia di Diocleziano e di Costantino // Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, lettere ed arti, 1935/1936. T. 92, fasc. 2. P. 258 — 266.

[39] Fragmenta historica ab Henrico et Hadriano Valesio primum edita (Anonymus Valesianus) / Ed. R. Cessi (Rerum Italicarum Scriptores. T. 24, pt. 4). Città di Castello, 1931. P. XXXIII—LXXVI.

[40] *Maddalena A.* Op. cit. P. 275.

[41] Из наиболее существенных, на мой взгляд, работ см.: *Seston W.* Recherches sur la chronologie du règne de Constantin de Grand // Revue des Études Anciennes, 1937. 39. P. 207; Lactance. Op. cit. P. 341 — 342; *Straub J.* Vom Herrschenideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 94—95; *König I.* Origo… S. 1977 — 78; *Idem.* Lactanz und das "System" der Tetrarchie // Labeo. 1986. T. 32. S. 180—193; *Grünewald Th.* Comstantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttgart, 1990. S. 13 u. s. w.

[42] См.: *Ohnesorge W*. Op. cit. S. 36.

[43] См.: Fragmenta historica… P. XLV.

[44] *Ohnesorge W.* Op. cit. P. 38—41; Fragmenta historica… P. XXXIX.

[45] *König I.* Origo… S. 21—22.

[46] См.: *Patzig E*. Op. cit. S. 572—585.

[47] *Wagener C*. Op. cit. S. 545—546; *König I*. Origo… S. 22.

[48] См.: *Bonamente G*. La biografia di Eutropio le Storico // Aimali della Facoliadi Lettere e Filosofía della Universita di Macérala. 1977. Vol. 10. P. 165, 172 — 177.

[49] Полную сводку этих параллелей см.: *König I*. Origo… S. 22.

[50] Ср.: Zonar. XII. 27. P. 636 B; 31. P.640 D; CIL. III, 5207. 8. Мною использовано издание: Ioannis Zonarae Epitome historiarum libri XVIII. Bonnae, 1897. Vol. 3.

[51] *Maurice J.* Les discourse des Panegyrici latini et l'evolution religieuse sous le règne de Constantin // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1909. P. 165—179; *Moreau J*. Constantius I // Jahrbuch für Antike und Christentum, 1959. Vol. 2. P. 159.

[52] Paneg, VII (VI), 2. 1 — 2 // Panégyriques latins, texte établi et traduit par E. Galletier. P., 1952. T. 2. P. 42.

[53] См. также: *Grünewald Th*. Op. cit. S. 216, 219.

[54] *König I.* Op. cit. S. 23.

[55] Мною использовано издание: Die Chronik des Hieronymus / hrsg. R. Helm. Berlin, 1984 (далее — Hieron.)

[56] См.: *Ohnesorge W*. Op. cit. S. 41; Fragmenta historica… P.XLIII.

[57] См.: *Helm R*. Hieronymus und Eutrop // Rheinisches Museum für Philologie. 1927. Bd. 76. S. 138—170, 254—306.

[58] См.: *Starr Ch. G*. Aurelius Victor, Historian of Empire // American Historical Review, 155/ 156. Vol. 61. P. 574 — 586. Мною использовалось издание: Aurelius Victor. Livre des Césars / ed. P. Dufraigne. P., 1975 (далее — De caes.).

[59] The Breviarium of Festus. A critical edition with historical commentary / ed. J. W. Eadie. L., 1967. P.2, 6 (далее — Festus).

[60] См.: *König I.* Origo… S. 24.

[61] Ibid.

[62] См.: Pseudo-Aurélius Victor: Abrégé des Césars / Ed. M. Festy. Paris 1999 (далее - Epitome). Из новейшей литературы см.: *Cameron A*. The Epitome De Caesaribus and the Chronicle of Marcellinus // The Classical Quarterly (N. S.), 2001. Vol. 51, N. 2. P. 324 — 327.

[63] См.: *Schlumberger J.* Die Epitome de Caesaribus: Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jahrhunderts n. Chr. München, 1974. S. 183 u. s. w.

[64] Ibid. S. 189.

[65] См.: *Enmann A.* Op. cit. S. 460 ff.

[66] *Barnes T. D.* The Lost Kaisergeschichte and the Latin Historical Tradition // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1968/1969 (Antiquitas Reihe 4: Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung 7). Bonn, 1970. P. 20, 27.

[67] *Pashoud F.* Notes // Zosime Histoire nouvelle . Tome 1 (Livres 1 et 2) / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. P.210 — 213; cp.: *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1897. Bd. 1. S. 164, 507; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire / publ. par J. R. Palanque. P., 1949. Vol. 1. P. 95.

[68] Мною использовано издание: Polemii Silvii Laterculus anni 449 // MGH AA, T. 9. Vol. 1 (далее — Polemii Silvii Laterculus).

[69] *König I.* Origo… S. 25.

[70] *Barnes T. D.* The Lost Kaisergeschichte… P. 27.

[71] *Chastagnol A.* L'Evolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien : la mise en place du régime du Bas-Empire (284—363). P., 1994. P. 27.

[72] *König I.* Origo… S.26. Anm. 27.

[73] *Mommsen T.* Additamenta // MGH AA, T. 9, Vol. 1. P. VI.

[74] *Lippold A.* Theodosius der Große und seine Zeit. München, 1980. S. 131 u. s. w.; *Erington R. M.* Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill, 2006. P. 234 — 237.

[75] *Geffken J.* Der Ausgang der griechisch-römischen Heidentums. Heidelberg, 1972. S.181.

[76] *Von Haehling R.* Die Religionszugehörigkeit der hohen Amtsträger des Römischen Reiches seit Constantins I Alleinherrschaft bis zum Ende der Theodosianischen Dynastie (324 — 450 bzw. 455 n. Chr.). Bonn, 1978. S. 581 — 599.

[77] *Ohnesorge W.* Der Anonymus Valesii… S. 95 — 96.

[78] *König I.* Origo... S. 172.

[79] *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 123; *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur — Gegensätze — Spannungen. München, 1977. S. 60—61.

[80] *Чекалова А. А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя, IV — первая половина VII в. М., 2007. С. 89. Примеч. 38.

[81] *Ohnesorge W.* Op. cit. S. 96—98.

[82] Ibid. S. 98—99.

[83] *König I.* Origo… S. 28.